

УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ФЕНОМЕНОВ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. Л. ВЕРШОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Критически оценивается использование функционального метода в юриспруденции. Основной проблемой функционализма при изучении правовой реальности признается попытка характеризовать функциональное предназначение категорий философии, а не реальных правовых феноменов. Выделение функций права или государства как абстрактных категорий философско-правового значения зачастую является слишком умозрительным и не имеет предметно-научного объяснения и верификации. Признавая высокий эвристический потенциал функционального подхода и учитывая имеющиеся сложности в его применении, автор рассматривает условия наиболее оптимального использования указанного подхода. К таким условиям относятся четкая характеристика предмета функционального анализа в пространственно-временных рамках, максимально точное понимание его структуры и формальная определенность, привлечение исторических и социологических данных для получения более точных знаний о реальных функциональных параметрах изучаемого феномена. Ценность настоящего исследования заключается в том, что автор обосновывает особенности применения функционального анализа для феноменов правовой реальности и юридической действительности.

Ключевые слова: функциональный метод; феномен правовой реальности; функция права; функция государства; функция правового сознания; правовая реальность и юридическая действительность.

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF FUNCTIONAL PARAMETERS STUDYING OF LEGAL REALITY PHENOMENA

I. L. VERSHOK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. A critical assessment of the use of the functional method in jurisprudence is given. The main problem of functionalism is the attempt to characterise the functional purpose of the categories of philosophy, rather than real legal phenomena. Isolating the functions of law or state as abstract categories of philosophical and legal significance is often too speculative and does not have a substantive scientific explanation and verification. The author recognises the high heuristic potential of the functional approach, but takes into account the difficulties in its use. The author examines the conditions for the most optimal use of functional analysis in jurisprudence. These conditions include a clear definition of the subject of functional analysis in a spatiotemporal framework, the most accurate understanding of its structure and formal certainty, the use of historical and sociological data for more accurate knowledge about the real functional parameters of the phenomenon being studied. The particular value of this article lies in the fact that the author substantiates the features of the use of functional analysis for the legal reality phenomena and juridical validity.

Keywords: functional method; legal reality phenomenon; function of law; function of the state; function of legal consciousness; legal reality and juridical validity.

Образец цитирования:

Вершок ИЛ. Теоретико-правовые проблемы изучения функциональных параметров феноменов правовой реальности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;1:8–16.
EDN: JSRYKA

For citation:

Vershok IL. Theoretical and legal problems of functional parameters studying of legal reality phenomena. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;1:8–16. Russian.
EDN: JSRYKA

Автор:

Ирина Леонидовна Вершок – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Irina L. Vershok, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
viarshok_irina@mail.ru

Введение

В современной юридической доктрине вопросам функционального предназначения права и связанным с этой темой явлениям уделяется особое внимание исследователей. Функциональный анализ используется либо как основополагающий метод исследования [1; 2], либо как один из инструментов познания, входящий в методологический комплекс конкретного направления научных изысканий [3].

Некоторые исследователи применяют простой функциональный анализ, в то время как ряд авторов предпочитают структурно-функциональное направление. Как следствие, в общетеоретической правовой науке широко распространенными являются концептуальные положения о функциях непосредственно права или государства, исследователи изучают формы их реализации [3, с. 187]. Кроме того, выделяются функции правового сознания, правовой культуры, гражданского общества, а также отдельных правовых норм [4] или отраслей права [5–7], правовой презумпции [8] и даже правоотношения [9]. Некоторые авторы дают теоретико-правовую характеристику функциям собственности [10, с. 55].

Использование функционального подхода при изучении различных правовых феноменов в ряде случаев позволяет понять основную роль права как юридического или социального института, а также проанализировать предназначение других смежных с ним феноменов. В дальнейшем применение этого подхода может способствовать выявлению и оценке некоторых параметров эффективности права, его действенности и (или) действительности¹. Функциональный метод имеет важное теоретико-прикладное значение.

Парадигмальное утверждение в юриспруденции доминирования регулятивной функции права оказывает существенное влияние на практику правотворческой и правоприменительной деятельности, а также на содержание доктринальных установок о способах совершенствования и повышения эф-

фективности правового регулирования. На фоне широко распространенного признания оценки регулятивной функции права в качестве главенствующей ключевыми задачами субъектов правотворческой деятельности являются выбор и воплощение в реальную жизнь наиболее подходящей модели поведения для преобразования общества в заданном направлении, а также максимальная рационализация поведения субъектов права. При этом официальная инстанция (государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц), как основной и непосредственный субъект правотворчества, будет стремиться создать норму права как продукт «перманентной и вариативной конструктивистской рациональной деятельности» [12, с. 121]. Однако в случае смещения акцентов с регулятивной функции права задачей официальной инстанции в ближайшем будущем может стать обеспечение социальной интеграции, налаживание правовой коммуникации, обеспечение легитимности правовых новаций и решение ряда других не менее важных задач. В связи с этим переосмысление традиционно сложившихся концептуальных основ использования функционального метода в юриспруденции обладает высокой актуальностью.

Главными целями исследования в данной работе являются пересмотр значения и роли функционального анализа при изучении параметров различных феноменов правовой реальности, выработка предложений по максимально продуктивному предметно-научному использованию функционального метода в юриспруденции.

Для достижения поставленной цели в настоящей работе будут решены следующие задачи: критический анализ функционального подхода на уровне исследований фундаментального и прикладного уровня, дифференциация функционального подхода в технических, естественных и гуманитарных науках, разграничение использования функционального анализа в изучении феноменов правовой реальности и юридической действительности.

Материалы и методы исследования

Функциональный подход к исследованию социально-правовых и юридических явлений фундирован на идеях философского позитивизма в контексте научного знания классического периода. Данный метод строился на замене понятия «казуальность» категорией «функциональная зависимость», а понятия «причина» термином «совокупность условий» [13, с. 12].

В парадигме постнеклассического знания юридическая наука, не отрицая важнейшие достижения позитивистской методологии, полученные в том

числе с использованием функционального метода, стремится прирастить качественно новые знания о функциональных параметрах феноменов правовой реальности, для чего за основу берутся принципы антимеханицизма, антинормативности, антиформализма и правового плюрализма [14, с. 41]. Антимеханицизм состоит в объяснении действия права не через деятельность безличных структур (инстанций или субъектов права), а через правовое поведение и правовое сознание человека. Антинормативность связана с изучением индивидуального

¹О разграничении действенности и действительности права подробнее см. [11, с. 20–26].

и частного в правовой реальности. Антиформализм заключается в признании первичности не формализованных аспектов юридической действительности, а обыденной практики правовой реальности

при реализации правового сознания в поведении человека.

Указанные методологические принципы будут использованы в качестве основных в данной работе.

Результаты и их обсуждение

Понятие «функция» было введено в научный оборот Г. В. Лейбницем в XVII–XVIII вв. Оно употребляется прежде всего в математике и выражает зависимость одной переменной величины от другой, т. е. такую зависимость, когда при изменении одной величины другая величина также изменяется определенным образом [15, с. 82].

В естественно-научных исследованиях, обнаруживающих закономерности природного характера на основе установления прямых причинно-следственных связей, объективность функционального анализа подтверждается эмпирически, позволяя осуществлять неоднократное воспроизведение опыта в одних и тех же условиях с одинаковым результатом. Данный метод направлен на решение конкретных прикладных задач, а выявление прямой причинно-следственной связи имманентно связано с определением некой функции.

Полученные в результате эмпирических исследований обоснованные выводы о функциональных признаках феноменов, входящих в предмет естественно-научной отрасли, обладают собственной логикой изменений и опираются на фактические данные. Например, отдельные части биологического организма, выполняя определенную функцию, взаимодействуют с органами, реализующими аналогичную функцию. Такое взаимодействие обеспечивает выполнение организмом всех его жизненных функций, имеет свои естественные проявления (нормы), определяемые наукой в качестве закономерностей.

Данный исследовательский подход стал основой для структурно-функциональной характеристики явлений, объективно существующих в природе, а впоследствии был перенесен в гуманитарную сферу, в том числе в юриспруденцию. Однако следует иметь в виду, что структурно-функциональный метод, будучи механически перенесенным из естественно-научной в гуманитарную область исследований, имеет ряд сложностей в использовании, т. е. «функционализм на деле стремится к минимализму, говорит меньше, чем можно было бы подумать» [16, с. 49].

Существенным недостатком функционального анализа в доктринальных исследованиях права, в отличие от естественно-научной области, является то, что полученные на его основе выводы о функционировании отдельных компонентов правовой реальности невозможно подвергнуть верификации в условиях, абсолютно идентичных первоначальному. Так, при проведении правового эксперимента функциональные параметры отдельной апробируемой нормы

или комплексного нормативного института не могут быть сразу признаны полностью соответствующими действительности, они не могут стать единственной основой для построения прогнозных выводов в процессе правотворчества. Причины реализации или нереализации экспериментальной нормы или института способны быстро меняться, вплоть до полного исчезновения, а абсолютно все условия проведения правового эксперимента невозможно предусмотреть в полной мере, обеспечивая его чистоту.

Также результаты функционирования отдельных инновационных институтов, полученные в рамках организации так называемой регуляторной песочницы, могут иметь лишь вероятностный характер и требуют дополнительной верификации. Фактор, который был выявлен ранее в качестве причины, при повторном воспроизводстве может стать условием, воздействующим на изучаемый предмет при многих иных параметрах окружающей среды, и не обязательно впоследствии он снова станет причиной.

Что касается теоретико-правовых исследований, то в них термин «функция» чаще характеризуется как основное направление деятельности (или воздействия), обусловленное социальным назначением изучаемого предмета, чаще всего государства или права. В иных случаях функция рассматривается как социальная роль, что можно интерпретировать предельно широко [17, с. 24], выходя за рамки юридической сферы и даже за границы предмета правоведческих дисциплин. Учитывая ценность попыток определить основы функционального предназначения различных правовых феноменов, следует все-таки признать, что в таких формулировках отсутствует конкретизация, в чем именно лице осуществляются данное воздействие или деятельность. Например, при выделении в теории права политической, культурной, оценочной и информационной функций права, а также экономической или интегративной функции государства остается совершенно неизвестным непосредственный субъект деятельности в соответствующих сферах, обозначаемый абстрактными и беспредельно широко трактуемыми терминами «государство» и «право».

Абстрактность такого функционального анализа делает результаты исследования эмпирически не верифицируемыми и неоднозначно интерпретируемыми, оторванными от практических реалий, что неприемлемо для любой отрасли научного знания, особенно юридической.

Если продолжать логику тех авторов, которые в качестве основного познавательного инструмен-

тария используют функциональный анализ абстрактных категорий (государство, право, гражданское общество, экономика и др.), а не конкретных феноменов правовой реальности, появится возможность абсолютно все внешние процессы в государственно-правовой сфере априори относить к функциям. Примером такого радикального функционального подхода является определение правотворческой функции правового сознания или признания участия правового сознания в формировании права [17, с. 26–27; 18]. На самом деле в правотворческом процессе функционируют непосредственно сами субъекты, а не их правовое сознание.

Аналогичным образом рассматривается воспитательная функция правосознания, но при этом признается, что ее выделение носит преимущественно интуитивный, ненаучный характер [17, с. 31]. Правовое сознание, являясь интенциональным, непрерывным, строго индивидуальным процессом восприятия, отражения, осмысления и интерпретации информации, не обладает одинаковым для всех субъектов функциональным предназначением, особенно таким, как воспитание. Субъектом воспитательного процесса может быть человек как носитель правового сознания или определенный коллектив людей, деятельность которых непосредственно или опосредованно нацелена на проведение воспитательных мероприятий. Так, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании воспитание осуществляется в системе образования, и поэтому в воспитательный процесс функционально вовлечены субъекты образовательных отношений (учреждения образования в пределах их компетенции), но не правовое сознание как таковое. План мероприятий по правовому воспитанию и просвещению граждан в 2024–2029 гг., утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 «О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах», предусматривает максимально широкий перечень самих субъектов воспитательной деятельности, но не их правосознания.

Попытка использовать функциональный подход к решению глобальных юридических проблем как универсальный метод юриспруденции связана с господствовавшим в классической науке редукционистским мышлением. Данное обстоятельство предполагало необходимость разобрать предмет изучения (не только органической, но и социальной природы) на составные части с их последующим изучением и воздействовать на его дефектную часть в целях оптимизации работы всей системы. Методологической неточностью в таких случаях является повсеместное проведение функционального анализа без установки четких структурных параметров изучаемого феномена независимо от уровня исследовательского обобщения. В результате определение функции осуществлялось в отношении не конкретных юридических феноменов, а неких абстрактных

категорий, формируемых и используемых на философско-мировоззренческом уровне без привязки к точным пространственно-временным параметрам. Решение философских проблем происходило путем применения специальной научной методологии. Однако исследователям нельзя смешивать философию с научно-содержательной сферой [19, с. 120]. В связи с этим следует учитывать ряд оговорок в применении функционального метода в современной юриспруденции.

Во-первых, используя данный подход, необходимо признать, что в реальности все правовые нормы не являются абсолютно функциональными. Более того, реализация права не всегда в полной мере зависит от рациональной деятельности субъектов, а юридическая практика не является абсолютно рационализированной. Рационализация в данном случае понимается как социально-психологический процесс, в ходе которого традиционные цели и верования замещаются методическими правилами и формальным мышлением [20, с. 38].

Реализация правовых предписаний зависит не только от рациональности правового сознания субъектов права. Она часто может осуществляться на основе стихийно складывающегося подражания, неосмысленного согласия, самообмана, риска (рационально-иррационального поведения [21, с. 60]). Признавая спорным сам термин «неосмысленное согласие», считаем обоснованным утверждение о том, что принятие тех или иных решений действительно часто происходит совместно у людей, имеющих схожие интересы и взаимодействующих на основе обмена, авторитета или расположения [21, с. 61].

Таким образом, функциональный подход часто приводит к тому, что функциональность правовых норм несправедливо приравнивается к функционированию субъектов права, а рефлексивная деятельность субъектов права по рационализации юридической сферы неверно отождествляется со спонтанным, массовым, часто иррациональным и рефлекторным правовым поведением людей.

Во-вторых, объективная предметно-научная функциональная характеристика права и смежных с ним феноменов возможна только при соблюдении ряда условий. Она может иметь место лишь при четкой дифференциации феномена правовой реальности в качестве предмета исследования, а также максимально полной конкретизации его структуры, причин и условий его трансформации. Так, функциональный анализ может быть направлен на изучение параметров отдельных правовых норм или институтов права в контексте определенной сферы, территории и (или) времени действия нормы права. В качестве примера можно привести оценку функций регулирования и охраны общественных отношений, правовой социализации или социальной интеграции в сфере мероприятий по сохранению разнообразия животного и растительного

мира в особо охраняемых природных территориях. При этом реальная юридическая эффективность соответствующих норм права не всегда предполагает функциональность права в целом как сложного и важного социального институционального образования.

Более того, функциональный подход не позволяет учитывать тот факт, что в юридической практике часто встречаются такие случаи, когда правовая норма играет одну роль, теоретически обоснованную в качестве функции, но при этом не справляется с реализацией иных, возможно, еще более важных функциональных параметров. Например, правовое регулирование определенного общественного отношения не всегда предполагает одновременно его упорядочение, гармонизацию. Так, нормы о предоставлении льготных правовых режимов, особых правовых статусов для некоторых субъектов права, успешно осуществляя регулятивную функцию, могут повлечь нарушение принципа всеобщности правовых предписаний внутри правовой системы и в дальнейшем создать угрозу острой дифференциации субъектов права, влекущей социальную дезинтеграцию и нарушение правовой коммуникации. Абсолютная реализация регулятивной функции права в таком случае будет причиной невыполнения его охранительной, интегративной или коммуникативной функций.

Кроме того, признание за регулятивной функцией права огульного и универсального превалирования над правоохранительной функцией может вызвать справедливый вопрос, базирующийся на логике и практическом опыте: насколько обоснованно давать в общей теории права интерпретацию регулятивной функции, одинаковую для всех отраслей и институтов права, в частности для гражданского и уголовного права? Аналогичным образом можно поднимать вопрос о качественной неоднородности интегративных функций у норм конституционного права и предписаний уголовного права, ведь уголовное право не может в такой же форме, как и конституционное право, осуществлять социальную интеграцию как минимум из-за принципа индивидуализации уголовной ответственности.

В-третьих, при обнаружении недостатков функционирования в конкретной отрасли, институте или норме права функционалисты часто предлагают вносить в них коррективы в целях повышения регулятивного качества соответствующей отрасли, института или нормы. Чаще всего такие инновации связываются с внесением со стороны официальной инстанции изменений и дополнений в действующее законодательство, что не всегда обоснованно: более функциональным может оказаться не совершенствование существующего нормативно-правового регулирования, а иные способы воздействия на правовое сознание субъектов.

Правовая реальность, как и любая другая социальная система, представляет собой автономно трансформирующуюся структуру, образованную не столько инстанцией, сколько действующими в ней индивидами. Правовая реальность может быть воссозданной лишь при использовании «строительных приемов», практикуемых непосредственно самими этими индивидами [22, с. 129].

Роль представителей функционального подхода в совершенствовании правового регулирования может быть крайне незначительной. Повысить качество функционирования правовой нормы можно путем проведения организационно и технически продуманных мероприятий, направленных на автономное обеспечение максимального удобства, практичности и массовости при реализации правовой нормы самими субъектами права, а не гетерономного регулирования в рамках совершенствования актуального законодательства. Такие способы правового воздействия предполагают выход за рамки функционализма.

В-четвертых, право, как и все социальные явления, в реальности существует в качестве процесса, протяженного в пространстве и времени, оно имеет динамический характер. В этом процессе сложнее всего всесторонне выявить структуру, но как только она обнаружена, процесс становится понятным и управляемым [23, с. 65]. Усугубляющийся недостаток знаний о структуре права на фоне увеличивающейся правовой неопределенности не позволяет полностью уловить ритм циклических процессов в динамике права и объективно выявить функции права в целом. В свою очередь, если функция не выглядит циклической, она является либо нарушенной, либо прерванной, либо представляет собой звено в цикле большего масштаба, уловить ритм которого мы не в состоянии по причине ограниченности информационного поля сознания.

В результате указанных методологических проблем ряд исследователей характеризуют функции описательно путем интроспективного или ретроспективного их выявления и дальнейшей сигнификации. Например, многие авторы, применяя функциональный подход при изучении правового сознания, выделяют регулятивную, познавательную, оценочную или ценностную функции, а в дальнейшем такие же функциональные параметры относят и к правовой культуре. В названной интерпретации требуется дополнительное теоретическое обоснование того, как такие качественно разнородные явления правовой реальности (правовое сознание и правовая культура) могут полностью совпадать по своим функциональным параметрам.

Функциональный анализ не эффективен в отношении абстрактных категорий, к которым, например, относятся право и государство, без соответствующего уточнения, о каких действительных государственных

ных или правовых феноменах правовой реальности идет речь: реализация функций права обусловлена реализацией правовых норм [3, с. 190]. При выборе точного предмета исследования требуется не только конкретизировать, какие феномены подразумеваются под терминами «государство» и «право», но и уточнить пространственно-временные границы их трансформации.

В свою очередь, специалисты в технической области исходят из того, что функцию, которую можно высчитать с помощью одной специфической вычислительной архитектуры (программного обеспечения), можно также высчитать (вероятно, куда менее эффективно) с помощью иной архитектуры [16, с. 50]. Имплементация данного вывода в юридическую область дает основания предположить, что реально существующая функция может быть объективно установлена только путем эмпирического изучения интересующего нас феномена правовой реальности с разных точек зрения (междисциплинарные исследования функции при помощи исторического и социологического инструментария). Иными словами, реальность функции рассматриваемого феномена необходимо подвергать верификации на предмет того, является ли она действительно функцией, связанной с сущностным его проявлением, а не любым направлением деятельности или иной активности. Связь структуры со своими функциями фундаментальна, поскольку структура не может полностью лишиться своей родовой функции. Исчезновение одной из функций привело бы к исчезновению самой структуры.

Отождествление юридических предписаний с алгоритмами правового поведения, заимствованное из технической области, приводит к упрощенному пониманию регулятивной функции. В таком случае правовое регулирование представляет собой лишь автоматизированный процесс, предполагающий простую причинно-следственную связь возникновения самого предписания с его реализацией, что получило даже доктринальное объяснение в теории механизма правового регулирования и инструментального подхода к праву. Однако при этом из поля зрения исследователей выпадают сложнейшие процессы правового воздействия, соотносящиеся с восприятием, отражением, осмыслением и интерпретацией не только юридической информации, но и сведений о естественно складывающейся правовой нормативности.

Соглашаясь с наличием определенного эвристического потенциала функционального анализа, признаем, что для его продуктивного научного применения необходимо уточнять, в каком модусе бытия права находится изучаемый феномен – в правовой реальности или юридической действительности.

Функциональные параметры феноменов правовой реальности и юридической действительности

обладают существенными отличиями. Правовая реальность проявляется в качестве сферы неформализованного и строго нерационализированного, спонтанно производимого или воспроизводимого типичного правового взаимоотношения и (или) взаимодействия людей при их адаптации к изменениям окружающей действительности. То, что ученые считают структурными характеристиками такой социальной системы (нормы, ценности, роли), представляет собой элементы структуры лишь постольку, поскольку действующие индивиды осознают и определяют их как таковые [22, с. 119].

Феномены правовой реальности чаще всего проявляются как открытые системы, непрерывно взаимодействующие со своей средой (информационный обмен). Суть связи между субъектами строится на возможности (усмотрении), с одной стороны, и обязательстве-обещании, с другой стороны [24, с. 143]. Структура правовой реальности очень динамична и сложно прогнозируема по интенсивности, сфере и направлениям собственной трансформации. Правовая неопределенность в правовой реальности стремится к максимуму. Функциональность единицы правовой реальности может быть выявлена, но на основе анализа автономно образуемого типичного правового поведения людей, которое характеризуется массовостью, возобновляемостью и устойчивостью.

Юридическая действительность, наоборот, включает в себя рационализированное и стремящееся к максимальной формализации целенаправленно конструируемого, типизированного юридического взаимодействия между субъектами права для достижения ими юридических последствий. Феномены юридической действительности могут проявляться в качестве закрытых, частично изолированных систем юридической природы, в которых должна быть достигнута максимальная точность и формальная определенность. Но даже для них абсолютная определенность невозможна: ее наличие означало бы полную предсказуемость действий или бездействия субъектов права, т. е. смерть права. Она исключала бы свободу воли этих субъектов, на которой строится само понятие правовой субъектности [25, с. 150]. Структуры юридической действительности более стабильны и доступны для предметно-научного функционального анализа.

Правовая реальность не совпадает с правовой действительностью: объем понятия, определенного легальной дефиницией, может не совпадать с объемом того же понятия в обыденной жизни [26, с. 70]. Их взаимодействие – это диалог индивидуального и нормативного в правовой коммуникации.

Функциональная характеристика является методологически оправданной и эвристически продуктивной, если применяется к системам закрытого типа, которые в большей степени статичны. Функциональный метод подходит в основном для

феноменов юридической действительности, которые в значительной степени формально определены, структурированы и формализованы. Чем более нестабильна, неформализована и иррациональна правовая структура в своей динамике и трансформации, тем больше метод функционального анализа теряет свою связь с предметно-научной отраслью и переходит в ранг философского мировоззрения.

Функциональный анализ применим для определенной нормы права или, по крайней мере, института права, если они имеют четкую структуру и содержание, а также высокую формализацию в статьях нормативного правового акта или в группе правоприменительных решений по конкретной категории дел. Такая характеристика свидетельствует о фактической или долгосрочной определенности права, хотя и для нее считается необходимым длительное intersубъективное признание и хабитуа-

лизация (опривычивание) регулятивных правил [25, с. 148].

Функциональный анализ более эффективен и методологически оправдан для юридической действительности, так как в ней имеет приоритетное значение правовая догма, обладающая признаками схематичности, анонимности предписаний, простоты и повышенной связанности каждой нормы с множеством себе подобных. Создаваемая в догме права смысловая сетка формулирует образ права в его завершенности, непротиворечивости и согласованности [27, с. 81–82].

Для государственного органа, учреждения или организации как еще одной единицы юридической действительности применение функционального анализа также методологически оправданно и допустимо в случаях, если их правовой статус и роль в структуре механизма государства четко законодательно определены и практически реализованы.

Заключение

Функциональный подход имеет существенный эвристический потенциал при изучении параметров исследуемого предмета в динамике, что обуславливает необходимость построения знания о его функционировании на базе данных исторической и (или) социологической науки.

Функцию методологически неправильно исследовать в контексте понятия и тем более философской категории (право, государство, гражданское общество). Изучение функции должно осуществляться применительно к реальным феноменам юридической действительности, трансформирующимся в пространственно-временной перспективе и имеющим определенные закономерности динамики.

Для объективного понимания функции обязательно необходимо изучить структуру исследуемого

социально-правового или юридического феномена. Знание о структурных параметрах позволяет не только понимать внутреннее строение предмета исследования, но и предвидеть возможные варианты перспективных направлений его функционирования.

Функциональный анализ более эффективен и методологически оправдан для феноменов юридической действительности, обладающих четкой структурой и содержанием, формальной определенностью, высокой степенью рационализации и институционализации. Феномены правовой реальности могут подвергаться предметно-научному функциональному анализу лишь в случаях автономно образуемого, типично проявляемого правового поведения людей, которое характеризуется массовостью, возобновляемостью и устойчивостью.

Библиографические ссылки

1. Карпович НА. Экологическая функция белорусского государства. *Вестник БДУ. Серия 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2011;2:106–110.
2. Лапшина ОС. О соотношении охранительной функции права и функции государства по охране прав и свобод личности. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право*. 2009;1:46–52.
3. Макарова НА. Сущность и значение категорий «реализация функций права» и «формы реализации функций права». *Вестник Томского государственного университета*. 2016;413:187–192. DOI: 10.17223/15617793/4131/29.
4. Бондаренко ИВ, Фроловская ЮИ. К вопросу о функциях семейно-правовых норм. *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*. 2020;20:59–63.
5. Якушин ВА. Функции уголовного права как категории права. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Тагилцева*. 2023;1(2):176–181.
6. Мурзабекова ЖТ, Насбекова СК. Функции экологического права и формы их реализации. *Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук*. 2020;2:186–193.
7. Левушкин АН, Левушкина АА. Понятие, правовая природа и система функций семейного права как отрасли права. *Российская юстиция*. 2013;1:18–20.
8. Булаевский БА. Функции правовых презумпций. *Журнал российского права*. 2011;3:33–41.
9. Томилов АЮ. Функции правоотношений по защите чужих прав, свобод и законных интересов в рамках гражданского процессуального права. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2011;12:21–27.
10. Алексеев СС. *Право собственности. Проблемы теории*. Москва: Норма; 2010. 240 с.

11. Кельзен Г. *Чистое учение о праве*. Санкт-Петербург: Алет-пресс; 2015. 542 с.
12. Зыков ДВ. Эволюция феномена права в контексте его внешних форм и внутреннего содержания. *Антиномии*. 2023;23(4):117–139. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_117.
13. Калужский МЛ. *Общая теория систем*. Москва: Директ-медиа; 2013. 177 с.
14. Цыгановкин ВА. Антропологическое измерение правового регулирования. В: Глухарева ЛИ, редактор. *Социогуманитарные смыслы и значения права*. Москва: Русайнс; 2021. с. 41–50.
15. Малец ВТ. Понятие функций государства. *Вестник БДУ. Серия 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2012;1:82–85.
16. Деннет Д. *Сладкие грезы. Чем философия мешает науке о сознании*. Москва: УРСС; 2017. 304 с.
17. Абрамов АИ. Функции правосознания и их взаимосвязь с функциями права. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2006;5:23–35.
18. Короткова ОИ. Правосознание, его правореализация и роль в правотворческом процессе. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2013;1:5–8.
19. Матарас ВН. Предмет и объект в теории государства. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки*. 2017;5:119–122.
20. Гидденс Э, Саттон Ф. *Основные понятия в социологии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2018. 336 с.
21. Глухарева ЛИ. Иррациональность рационального человека. В: Глухарева ЛИ, редактор. *Социогуманитарные смыслы и значения права*. Москва: Русайнс; 2021. с. 57–67.
22. Уолш Д. Функционализм и теория систем. В: Осипов ГВ, редактор. *Новые направления в социологической теории*. Москва: Прогресс; 1978. с. 11–140.
23. Зыков ДВ. Размышления о юридической реальности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013;6(1):63–69.
24. Глухарева ЛИ. Правовое общение и правоотношение. В: Глухарева ЛИ, редактор. *Социогуманитарные смыслы и значения*. Москва: Русайнс; 2021. с. 136–144.
25. Цыгановкин ВА. Диалектика определенности и неопределенности в правовых коммуникациях. В: Глухарева ЛИ, редактор. *Социогуманитарные смыслы и значения*. Москва: Русайнс; 2021. с. 144–155.
26. Черданцев АФ. *Логико-языковые феномены в юриспруденции*. Москва: Норма; 2012. 320 с.
27. Глухарева ЛИ. Догма как правовая ценность. В: Глухарева ЛИ, редактор. *Социогуманитарные смыслы и значения*. Москва: Русайнс; 2021. с. 76–86.

References

1. Karpovich NA. [Ecological function of the Belarusian state]. *Vestnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Paliatologija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2011;2:106–110. Russian.
2. Lapshina OS. [On the relationship between the protective function of law and the function of the state to protect the rights and freedoms of the individual]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo*. 2009;1:46–52. Russian.
3. Makarova NA. The essence and meaning of the categories «law function implementation» and «forms of law function implementation». *Tomsk State University Journal*. 2016;413:187–192. Russian. DOI: 10.17223/15617793/4131/29.
4. Bondarenko IV, Frolovskaya YuI. [On the question of the functions of family law]. *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii «Vzaimodejstvie ugovolno-isspolnitel'noi sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty»*. 2020;20:59–63. Russian.
5. Yakushin VA. [Functions of criminal law as a category of law]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. 2023;1(2):176–181. Russian.
6. Murzabekova ZhT, Nasbekova SK. Functions of environmental law and forms of their implementation. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*. 2020;2:186–193. Russian.
7. Levushkin AN, Levushkina AA. [The concept, legal nature and system of functions of family law as a branch of law]. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2013;1:18–20. Russian.
8. Bulaevskii BA. [Functions of legal presumptions]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2011;3:33–41. Russian.
9. Tomilov AYU. [The functions of legal relations for the protection of other people's rights, freedoms and legitimate interests in the framework of civil procedure law]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 2011;12:21–27. Russian.
10. Alekseev SS. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii* [Ownership. Problems of theory]. Moscow: Norma; 2010. 240 p. Russian.
11. Kelsen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Saint Petersburg: Alef-press; 2015. 542 p. Russian.
12. Zykov DV. The evolution of the phenomenon of law in the context of its external forms and internal content. *Antinomies*. 2023;23(4):117–139. Russian. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_117.
13. Kaluzhskii ML. *Obshchaya teoriya sistem* [General theory of systems]. Moscow: Direct-media; 2013. 177 p. Russian.
14. Tsyganovkin VA. [Anthropological dimension of legal regulation]. In: Gluchareva LI, editor. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya prava* [Socio-humanitarian meanings and meanings of law]. Moscow: Rusains; 2021. p. 41–50. Russian.
15. Malets VT. [The concept of state functions]. *Vestnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Paliatologija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2012;1:82–85. Russian.
16. Dennett D. *Sladkie grezy. Chem filsofiya meshaet nauke o soznanii* [Sweet dreams. Philosophical obstacles to a science of consciousness]. Moscow: URSS; 2017. 304 p. Russian.
17. Abramov AI. [Functions of legal consciousness and their role in exercise of functions of law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2006;5:23–35. Russian.
18. Korotkova OI. [Legal consciousness, its legal implementation and role in the law-making process]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2013;1:5–8. Russian.
19. Mataras VN. The subject and object in the theory of state. *Herald of Polotsk State University. Series D: Economics and Law Sciences*. 2017;5:119–122. Russian.
20. Giddens E, Sutton F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Basic concepts in sociology]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2018. 336 p. Russian.

21. Glukhareva LI. [Irrationality of a rational person]. In: Gluchareva LI, editor. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya* [Socio-humanitarian meanings and meanings of law]. Moscow: Rusains; 2021. p. 57–67. Russian.
22. Walsh D. [Functionalism and systems theory]. In: Osipov GV, editor. *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii* [New directions in sociological theory]. Moscow: Progress; 1978. p. 11–140. Russian.
23. Zykov DV. [Reflections on legal reality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013;6(1):63–69. Russian.
24. Glukhareva LI. [Legal communication and legal relationship]. In: Gluchareva LI, editor. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya* [Socio-humanitarian meanings and meanings of law]. Moscow: Rusains; 2021. p. 136–144. Russian.
25. Tsyganovkin VA. [Dialectics of certainty and uncertainty in legal communications]. In: Gluchareva LI, editor. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya* [Socio-humanitarian meanings and meanings of law]. Moscow: Rusains; 2021. p. 144–155. Russian.
26. Cherdantsev AF. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logical and linguistic phenomena in jurisprudence]. Moscow: Norma; 2012. 320 p. Russian.
27. Glukhareva LI. [Dogma as a legal value]. In: Gluchareva LI, editor. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya* [Socio-humanitarian meanings and meanings of law]. Moscow: Rusains; 2021. p. 76–86. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2024.
Received by editorial board 28.02.2024.